

**Никишин Виктор Васильевич,
родился 04.09.1952.**

На столе передо мной разложены вырезки из разных газет.

О Чернобыле. О ликвидаторах последствий аварии. О моем визави, принесшем эти пожелтевшие газетные листочки,— о Викторе Никишине, гвардии подполковнике запаса (мой однополчанин с 1973 года, когда он пришел в 51-й гвардейский парашютно-десантный полк командиром взвода в саперно-инженерную роту после окончания Калининградского инженерного училища).

— У тебя тут целый архив. И решения ЦК КПСС, и постановления Правительства, мнения специалистов и журналистов, твое интервью в газете Политехнического института «За инженерные кадры» от 17 мая 1991 года.— Присматриваюсь внимательнее к этой газете.— Но почему-то тебя называют не Виктор, а Николай — засекретили что ли?

— Какой засекретили,— он смеется,— ошибся журналист. Хотя секретов в той командировке было предостаточно.

Прослужив в воздушно-десантных войсках до 1983 года, Виктор Никишин десять лет был преподавателем (единственный преподаватель кафедры, награжденный орденом: орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени он получил в марте 1987 года за Чернобыль) на военной кафедре Тульского политехнического института. Откуда и уволился в звании подполковника в 1993 году.

— В июле 1986 года, за две недели до окончания отпуска,— вспоминает Никишин,— приказом командующего Московским военным округом меня вызывают на непонятные сборы. В Тамбове формируется из кадровых офицеров-командиров и «партизан-запасников» отдельный инженерно-позиционный батальон. Меня назначают командиром инженерно-саперной роты. Так, с 15 июля по 5 октября 1986 года, мне пришлось выполнять важную правительственную задачу по ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС.

— Официоза достаточно,— перебиваю его невежливо.— Ты расскажи о том, что осталось за «кадром», о чем до сих пор не написано.

Виктор на минуту задумывается, затем заразительно смеется (он вообще, сколько его знаю, никогда не теряет чувства юмора).

— На второй день, после прибытия, у меня разболелось горло, появилось головокружение, тошнота, слабость. Личный состав ушел на объект — каково: не успели прибыть на место, как командир валяется больной, а рота — на крыше четвертого блока? Кое-как доковылял до доктора: «Давай, лечи, едрит тебя в печенку». Он сразу понял, в чем дело и предлагает мне какой-то препарат, еще как следует не прошедший клинические испытания: «Повезет — значит, повезет, а нет — на нет и суда нет». Повезло.

Небольшая пауза.

— Спецодежду мы себе «шили» сами. Привезли нам миллиметровой толщины листы свинца — из них мы делали себе шлемы на голову, фартуки на грудь и спину, кроили плавки,— опять его заразительный смех,— по поводу этих свинцовых «плавков» сразу появилась частушка: «Если хочешь стать отцом — защити яйцо свинцом!».

— В этой, так называемой, спецодежде плюс противогазе мы поднимались на крышу четвертого блока, лопатами и ломом сбрасывали радиоактивные элементы. Смена на крыше из пяти-шести человек работала три-четыре минуты. Больше времени работать люди просто не могли физически. Затем поднималась следующая смена. И так — все светлое время суток. Японская и немецкая техника — их хваленые роботы — давно была выведена из строя нашей радиацией.

— Дозиметры у вас были? Сколько вот ты лично нахватал?

— Дозиметры были у всех. Но мы их показания не видели. Нам дозиметры засовывали под свинцовые пластины перед началом работы, а после окончания работ изымали. Один «партизан» из другой роты пытался сам посмотреть — только этого «партизана» и видели. За всем был тотальный контроль «компетентных органов». И отказников идти на крышу четвертого блока не было. Попробуй, кто откажись — сразу, сам понимаешь, результаты такого «не добровольного поведения» не замедлили бы сказаться со всеми вытекающими отсюда последствиями. Хотя, были и личности, особенно офицерского состава местной, кстати, национальности, противоположного понимания опасности. Они специально «хватали» повышенную дозу — вот, дураки-несмышлениши — для получения больших льгот и пособий. И где они теперь, эти хохлы-рационализаторы?

— От радиации хорошо помогает красное сухое вино.— Задаю ему провокационный вопрос.— Вам выдавали «наркомовские» сто грамм?

— О чем ты говоришь? Наоборот! Ты же знаешь, какое было время. Органы разного калибра очень тщательно бдили и выполняли волю нашего газированного меченого Мишки (мы его про себя называли «меченым атомом» — есть такое понятие в ядерной физике) о «сухом» законе. Нам было категорически запрещено не то что употреблять, даже мыслить об алкоголе не разрешалось.

— И?

— Что — и? Целый майор ночью, перебежками, огородами, в самоволку на машине гонял в Житомир за самогонкой. Тем и спасались.

— Да, на каждую хитрую... всегда найдется болт с левой резьбой. А что делали с машинами, получившими зашкаленную дозу радиации?

— Такие машины, практически — новые машины, загоняли в могильники и бросали. Но машины-то — новые. Движки, другие агрегаты и оборудование на них — тоже, естественно, новые. И наши «партизаны» насобачились ночами снимать необходимые детали с этих машин и волоком тащить метров двести-триста с запретной, охраняемой зоны. Как настоящие сталкеры. Не пропадать же было добру.

— Дурости и маразма? — отвечает на мой незаданный вопрос.— Было и не меряно. Простой пример. Ожидается приезд Горбача. Нужно обсыпать дорогу специальной щебенкой. Ее привозили на баржах и высыпали на берегу речки. Мы эту щебенку своими экскаваторами грузили на свои самосвалы и рассыпали

вдоль дороги. Все — по науке, все — как и положено. Но... но щебенка-то была мокрой. И один «очень умный» чин в больших погонах приказал батальону лопатами ворошить эту мокрую щебенку, чтобы она быстрее просохла. Хотя эта злополучная щебенка на полчаса позже и сама бы просохла под летним солнцем. Но весь личный состав был снят объектов и брошен на дорогу. А Горби поехал другой дорогой.

Поставленную задачу по ликвидации последствий аварии рота Никишина выполнила первой — сказала десантная закалка, выучка и смекалка командира роты. И рота первой выехала на расформирование в Тамбов.

— Встречали с оркестром, с цветами,— теперь он улыбается грустно.— И сразу нас забыли, бросили какое-то подобие сухих пайков — выживайте, как знаете. Даже горячего чая не организовали. Нам не привыкать — выжили. Сдали технику, сдали «барахло» — домой, в Тулу, пришлось ехать в старой телогрейке, в протертых сапогах, с кучей всевозможных болячек. Выжили.

После увольнения из рядов Советской Армии не в запас — в отставку по болезни — у Никишина (впрочем, как и у большинства «чернобыльцев») начались мытарства по различным судебным инстанциям в отстаивании своих прав на льготы и пособия.

— Не это обидно.— Виктор, впервые за время нашего разговора, тяжело вздыхает.— Понимаешь, приезжала к нам выступать со своим концертом одна наша знаменитая певица. Выступила, как всегда, блестяще. Как всегда, устроила пьяный дебош. И получила высокую правительственную награду, как ликвидатор последствий, как настоящий «чернобылец». И денежную компенсацию, по слухам, получает до сих пор очень высокую. Не это — обидно. Обидно то, что все, кто там присутствовал, прекрасно знают, что она давала-то концерт в абсолютно чистой зоне, в Славутиче. А отнюдь не в тридцатикилометровой зоне.

— Зигзаги, понимаешь, и загогулины судьбы-злодейки.— Он опять заразительно смеется.— Давай, что ли сухого красного марочного вина профилактики ради и за нас выпьем?

— Будем!

— Будем жить! Честь имею!